

СВЕТЛАНА ГАМАЮНОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БУДДИЙСКОЙ СТАТУИ

Светлана Гамаюнова

История одной буддийской статуи

«Издательские решения»

Гамаюнова С.

История одной буддийской статуи / С. Гамаюнова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503098-6

В реставрационном центре во время сканирования статуи Будды, возраст которой более тысячи лет, обнаруживают мумию и свиток с информацией о продлении жизни. Случайно «мумия» выходит из состояния самадхи и попадает в медицинский центр. Доктору клиники удается из женского человеческого скелета «мумии» создать «тело». Тайна и знания жизни спасенной девушки не дает покоя многим. Но «мумия» знает только часть рецепта «бессмертия». Вторая часть находится в Китайском монастыре, куда надо попасть.

ISBN 978-5-00-503098-6

© Гамаюнова С.
© Издательские решения

Содержание

Пробуждение	6
В это время в реставрационной лаборатории	14
Лаборатория реставрации утром	16
Палата в Отделении нервной анорексии месяц спустя	17
Кабинет доктора Мейсена.	20
Квартира доктора Вейлера.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

История одной буддийской статуи

Светлана Гамаюнова

Дизайнер обложки Дмитрий Галкин

© Светлана Гамаюнова, 2019

© Дмитрий Галкин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3098-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

Я очнулась. Сознание, которое давно находилось далеко за пределами мозга, вдруг забилося в обтянутой сухой, безжизненной кожей голове. Я слышала и понимала, что говорится за пределами окружающей меня скорлупы. Неужели....

Да, я слышала и чувствовала. И страх осознания этого обуял меня. Это эмоции, раньше их не было и не могло быть. Только мысли о том, что произошло очень давно. Рациональные мысли без капли эмоций. Тогда я действительно достигла нирваны, следуя наущениям отца, и обрела освобожденное сознание, не имеющее более привязанностей ни к чему. Мое сознание обитало в потоке времени и находилось в абсолютном спокойствии. После того, как оболочку моего тела переместили в другое место, я иногда слышала другую речь и научилась ее понимать, но ничего не чувствовала. Как научилась понимать? Просто понимала, потому что мое сознание не знало границ до этого мига. В этот момент, сейчас, оно сузилось до размеров этой статуи и меня внутри нее. Внутри билась одна мысль: тысяча лет, тысяча лет или даже чуть больше.

Руки в тонких перчатках осторожно касались оболочки, в которой хранилось тело.

– Сэм, ты поосторожнее, она такая древняя, просто страшно на нее дышать. Все же более тысячи лет. Вчера пришел ее хронологический анализ. Удивительно, насколько хорошо она сохранилась за это время. Не рассыпалась, а ведь сделана из папье-маше, покрашена и позолочена, – услышала молодой приятный голос.

– Еще и лаком покрыта, но все равно удивительно. Умели делать древние, – ответил тот, кого, видимо, называли Сэм.

– Статуи Будды стали в последнее время чрезвычайно популярны, – говорил первый голос. – Они несказанно украшают интерьер людей, способных это себе позволить, даря дому гармонию и уют. А такие старинные как эта, очень редки и стоят просто невероятных денег.

– Да-да, – медленно продолжил он, видимо, рассматривая статую. – За такими редко-стями гоняются. В 20-м веке китайские власти начали проводить политику «патриотического воспитания», которая заключалась в том, что буддийские монахи должны были отречься от Далай-ламы XIV и изучать коммунистические политические тексты. Многие монастыри тогда закрыли, а статуи уничтожили. Монахов же отправляли на перевоспитание в деревню.

– Томас, ты историк? – спросил Сэм, явно удивленный знаниями сотрудника, который поступил на работу совсем недавно.

– Да. Историк по призванию. Я закончил сначала медицинский колледж, а потом архитектурный факультет по специализации «Реставрация». История – увлечение с детства, но за нее никто не платит.

– Да, у нас неплохая лаборатория, и зарплата приличная, но мне... – Сэм хотел продолжить мысль, но даже прикусил язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

Томас не обратил на слова Сэма внимания, продолжая излагать свою информацию.

– А тут еще такое. Ты слышал, шеф предположил, что под оболочкой статуи что-то есть. Мы с ним отделили деревянный постамент, на котором размещалась статуя, и увидели внутри две подушки, а между ними свиток с текстом. Поверх подушек находился коврик. А на коврике – что-то еще имеется. Прежде, чем об этом сообщить хозяину статуи, шеф хочет ее просканировать, а потом...

– Да в таком случае на нее и дышать опасно, – послышался ответ Сэма. – Откуда она у нашего заказчика, не знаешь?

– Говорят, ее переправили сюда еще во время культурной революции в Китае в 20-м веке. Кто-то ее спрятал и спас свою святыню. Заказчик гордится своим приобретением. Рассказывал шефу, как ее спасали в то время.

– А потом спасатель, наверное, продал эту свою святыню за огромные деньги, – засмеялся Сэм.

– Он, таким образом, сохранил ее, – обижено ответил Томас и продолжил. – Доставал-то он ее из-под обломков храма, вёз, прятал. Ты представляешь, что тогда там творилось? Впрочем, то время ничто по сравнению с тем, что там сейчас, после катастрофы.

– И не говори, Томас. Туда теперь вообще никто не суется – опасно, считается, что там полностью безлюдное пространство.

– На севере страны люди какие-то вроде как есть. Только люди ли они уже? Не будем об этом опять. Страшно. Да и говорено-переговорено. Давай засовывай статую в томограф, чего ждешь? Шеф просил поторопиться.

Меня стали осторожно передвигать куда-то. Потом разговор возобновился.

– Интересная задача, – проговорил Сэм. – Хорошо, что эти богатенькие не жалеют денег на изучение экспонатов из своей коллекции. И им хорошо, и нам оплата. Не слышал, почему он отправил ее именно в наш реставрационный центр?

– Во-первых, хозяину захотелось ее подреставрировать, как-то заделать трещины, образовавшиеся в красочном слое, немного подлакировать. Также возраст фигуры его интересовал. А еще якобы какой-то мистический компонент присутствовал. Слышал, как он шефу рассказывал. Мол, каждый раз, посещая хранилище и проходя возле статуи Будды, он чувствует себя неуютно и в тоже время ему не хочется отходить от нее, а наоборот, хочется смотреть и смотреть. Вот и решил отдать нам на изучение. А мы что, будем изучать.

Сэм аккуратно положил статую, закрыл купол аппарата и включил томограф. Экран замигал, зажужжал и стал отцифровывать изображение. На экране вырисовывался скелет человека.

– Ничего себе! Это же надо, – воскликнул парень. – Томас, зови скорей босса. Мы поймали птицу удачи. Сенсация для общественности и, конечно, большие бонусы нам, – и стал пристально рассматривать изображение.

– Смотри, – нервно сказал Томас. – Скелет так и сидит в позе лотоса, как полагается буддистам. Нормальный такой скелет, только вот таз для мужчины великоват, скелет как будто женский и, похоже, принадлежит не старому человеку. Что очень-очень странно. Шефу нашему этот случай будет особенно интересен. Он этой, то ли религией, то ли философией, как правильнее назвать, буддизма как раз интересуется. Среди буддистов распространено поверье, что особо продвинутые монахи, медитируя, способны самомумифицироваться, входя перед этим в самадхи – особое состояние сознания. Далее, закаменев, они, в итоге, якобы оказываются в нирване – в состоянии, в котором прекращаются все страдания.

Молодой сотрудник замолчал – то ли задумался, то ли рассматривал изображение, потом спохватился и резко проговорил:

– Сэм, беги уже за шефом, я пока подумаю. Это потрясающе интересно!

Вскоре я почувствовала, как в помещение влетел, именно влетел человек, а за ним еще один, и они возбужденно заговорили.

Томас спрашивал кого-то взволнованным голосом:

– Доктор Вейлер, это действительно самомумификация? Как вы думаете?

– Возможно-возможно, – ответил глухой, низкий голос, видимо, мужчины средних лет.

Он медленно произносил слова, как бы взвешивая их. – Самомумификации издавна практиковались китайскими монахами. Для этого буддист сначала тысячу дней соблюдал особую диету из орехов и зерен, избавляя свой организм от жировых запасов. Следующие тысячу дней монах питался корой и корнями. Под конец этого периода подвижник начинал пить специальный чай, который готовили из сока японского лакового дерева. С его помощью монах делал свою плоть ядовитой для насекомых и бактерий, а также значительно уменьшал количество жидкости в собственном организме.

– Но это невозможно – три года есть корни, – отозвался Сэм, – тем более пить яд.

– Кто знает, что возможно, а что нет, но некоторые монахи действительно превращались в мумии, и их тела замуровывали в специальных нишах. А эту, видимо, по какой-то причине поместили внутрь статуи. Уникальная находка.

Видимо, люди что-то внимательно рассматривали, так как замолчали.

– Скелет немного странный, – сказал тот, кого называли шеф.

– Шеф, а вам не кажется, что скелет скорее женский, чем мужской? – проговорил Томас.

– Вижу, кажется, ты прав, Томас. Все это невероятно странно. И это не скелет старца, а ведь именно старцы чаще всего практиковали уход в самадхи. И способ хранения мумии, я о таком не слышал, и вид скелета, и свитки над постаментом. Их надо расшифровать, а еще завтра обязательно взять биопсию тканей тела и сделать анализ ДНК.

В помещении повисло молчание, а потом шеф продолжил:

– Томас, там, где хранится реставрируемый материал, достаточно хорошая охранная система? Проверь. Надеюсь, ты понимаешь, что стоимость экспоната теперь значительно возрастает? Как возрастает и его научная ценность.

– Доктор Вейлер, пусть она сегодня лежит вместе с другими экспонатами, а мы сейчас закажем особый сейф для хранения, конечно, за счет клиента. Думаю, он не откажется заплатить немного больше за такое чудо.

– Не будем говорить ему пока об этом, – послышался голос шефа. – И вы все держите языки за зубами. Хотите иметь деньги на исследования – надо подумать, как их получить. Все, можете быть свободны. Сэм, Томас, отвезите статую в хранилище, а я подумаю над нашим случаем, уж слишком странно все. Столько интересных возможностей для исследования. Более тысячи лет – и такая сохранность скелета, и способ хранения... есть, чему удивляться.

Меня взгромозили на что-то плоское и куда-то покатали. А я не заметила, как начала дышать. Не просто дышать, а нормально, как когда-то. Правда, не помню, когда. Они говорили что-то про тысячу лет. Неужели правда столько лет я пробыла в самадхи? И что теперь? Смутно вспомнилось, что отец и говорил про такой срок. Сознание возвращалось в прошлое. Син Цы, что с тобой? Почему сознание сузилось до размеров тела, включился мозг и появились мысли? Может ли тело шевелиться? Отец учил, что сила мысли – главное в управлении телом. Я пошевелила пальцем. Только пальцем, больше не получалось. Может, опять попытаться отрешиться и вернуться в нирвану? Попыталась, но сосредоточиться не смогла. В это время меня бережно сняли с той штуки, на которой привезли, и поставили на пол.

– Сэм, тут замок какой-то хилый, хорошо, что никто не знает, какая ценность теперь тут хранится, – послышался голос человека, и дверь закрылась.

Я опять шевельнула пальцем, потом вторым, больше они не слушались. Мой мозг разговаривал с сознанием. «Твое тело должно подчиняться тебе, раз сознание вернулось и не хочет покидать тебя. Ты дышишь и у тебя медленно, но бьется сердце. Ты опять в этом мире и нужно ли, чтобы кто-нибудь знал о тебе слишком много?» Отец предупреждал о том, что будет много странного и страшного в потоке времени.

Управлять сознанием было на удивление сложно, а ведь я раньше была лучшей. Пытайся, Син Цы. Результат – это количество попыток, говорил отец и учитель. И я пыталась.

Не знаю, сколько прошло времени, когда опять послышались стук открываемой двери, тихие шаги и голоса.

– Хорошо, луна полная, и неплохо видно и без света. Не зацепим и не подавим здесь ничего. Вот она, эта статуя. Ты бери за голову, а я сзади. Неси осторожно, она не слишком тяжелая. Жаль, конечно, что все приходится делать экспромтом, но завтра придет сейф, и тогда мы ее точно не сможем выкрасть, – послышался голос Сэма.

Меня подняли и понесли.

– Без каталки нести неудобно, – послышался незнакомый голос.

Меня несли, и вскоре поток более холодного воздуха проник в дырочки моего саркофага.

– Сэм, и куда ее теперь? Вроде тихо. Никого нет. Нас никто не увидит? Зачем я с тобой только связался? Ты сначала делаешь, а потом думаешь.

– Кончай трусить, Майкл. Спокойнее. Ночью тут никого нет, и сторожа нет, – опять послышался голос Сэма. – Спрячем пока в подвале клиники, что тут рядом. Я знаю там одно помещение, туда никто не заглядывает по полгода, и оно не заперто. Положим там. Потом, когда немного утихнет, найдем хорошего покупателя и спокойно вывезем. Конечно, надо бы было подготовиться заранее, но кто знал, что все так обернется. А времени на все про все одна ночь.

Меня несли совсем недолго. Слушала звуки осторожных шагов несущих меня людей. Захотелось узнать – куда принесут? Сознание же на мой невольный интерес к происходящему отозвалось неожиданным выходом за пределы саркофага. Затем оно сверху наблюдало, как оболочку вносят в какое-то темное помещение и прячут за какие-то коробки. Потом накрывают сверху тряпкой.

И одновременно с этим я поняла, что не только мое сознание, но и тело не хочет больше находиться в саркофаге, а желает узнать этот явно другой, новый для меня мир, увидеть его и почувствовать. Мне стало немного стыдно сознавать это. Наверное, это желание не одобрил бы отец и наставник одновременно. Он так долго меня учил, что этот мир – цепь перерождений, во время которых я должна научиться спокойствию и отрешенности, но сейчас я... предавала его. Предавала, потому что не хочу возвращаться в нирвану, а хочу увидеть и почувствовать мир. Я хочу ходить, дышать, брать вещи в руки, чувствовать вкус пищи на языке. О! Отец, как много желаний! Прости меня. А для того, чтобы эти желания осуществить, надо заставить тело двигаться и покинуть саркофаг. Но как?

За дверью помещения послышались шаги, и мои похитители притаились и напряглись.

– Все, уходим, – услышала тихий шепот, когда шаги по коридору удалились. – Кажется, в клинике пересменка начинается, рано что-то. Нас не должны увидеть, и у нас, вероятно, мало времени на поиски покупателя. Уходим, – еще раз скомандовал Сэм, и они покинули помещение, тихо прикрыв дверь.

Я осталась одна. Тело дышало и хотело жить. Оно точно не хотело назад в нирвану. Я с грустью вспомнила четыре условия, усугубляющих кармообразующие факторы:

- 1) намерение совершить деяние;
- 2) обдумывание способов совершить задуманное;
- 3) действие
- 4) радость, удовлетворение от содеянного.

И все это я собиралась совершить, то есть нарушить все условия. И заранее испытывала радость и удовлетворение от содеянного. Я хотела увидеть мир, в котором не была тысячу лет, и обдумывала способы совершить задуманное. Я начала действовать – опять шевельнула пальцами, потом попробовала напрячь мышцы на руке повыше, потом мышцы шеи и ног. Ног я почти не чувствовала, но руки и мышцы живота после нескольких часов тренировки стали отзываться на мои мысленные посылы.

Раздумывала, как выбраться. Прочно ли скреплены половинки саркофага? Может, и нет, ведь столько времени прошло. То, что саркофаг состоит из двух половинок, я помнила. Вскоре пришло решение. Раскачивай тело, Син Цы, раскачивай, и половинки разойдутся, не так уж крепко они соединены. Сколько я занималась этим – не знаю, но упаковка моей плоти распалась, и холодный воздух волной окутал тело. Я открыла глаза, и они видели!

Видимо, наступило утро или даже день, так как через маленькое окошко наверху пробивался свет. Свет! Он яркий! Свет! Смотреть глазами! Как давно я этого не делала. Как интересно! Смотреть. Удивительно интересно. Но я устала. Очень. Постаралась получить энергию извне, но не совсем удачно, хотя что-то почувствовала. Главное – я дышала и могла осознать, что я – это я и что вокруг реальный мир. Впрочем, совершенно другой мир.

Ноги так и остались в скрещенном положении в позе лотоса. С ними, видимо, будет труднее всего. Рука коснулась колена, покрытого грубой холщовой тканью, которая почти истлела и стала рассыпаться от прикосновения, и я осталась почти голой. В таком виде и с такими ногами далеко не уйдешь. Я попыталась их разнять до конца и не смогла. Оглянулась вокруг, комната была завалена разнообразными предметами. Увидела какую-то одежду, что-то белое или условно белое, и устремилась к ней. Тихо, сантиметр за сантиметром, стала подползать ближе. Ползла на руках, а ноги так и не разгибались. Доползла. Сколько времени потратила, чтобы стянуть с себя прилипшие остатки надетой на меня сэнъи – не знаю, но сняла ее, и столько же потребовалось, чтобы облачиться в странную белую одежду, что нашла в этом месте. Опять пыталась разогнуть ноги. Получилось их разъединить, но они так и оставались слегка согнутыми в коленях и не двигались.

Начала ползти к двери, толкнула ее и оказалась в длинном узком помещении, уходящем непонятно куда. Больше сил не было. Плохо, что уползла так недалеко, но на большее была не способна. Я вытянулась на полу как могла и уснула. Нет, не вернулась в бессознательное, а просто уснула, обычным человеческим сном. Когда я спала в последний раз – не помню и не знаю, и спала ли.

Очнулась от того, что кто-то теребил меня за плечо. С трудом открыла глаза и услышала: – Эй, ты живой? Неужели живой? Ты кто и что тут делаешь?

Надо мной стояла огромная толстая женщина в одежде, похожей на мою, только чистой. Рядом с ней находилась странная тележка на колесиках с несколькими довольно большими круглыми металлическими штуками.

Ответить я не могла. Язык не слушался и рот совсем не открывался, даже губы не шевелились. Гортань разучилась произносить звуки, не то, что слова. Я могла только медленно хлопать глазами и удивленно смотреть на нее. Потом медленно качнула головой, с трудом поднесла руку ко рту и снова качнула головой.

– Не можешь говорить? Понятно, – произнесла женщина. – Что же делать-то с тобой?

Она достала какой-то небольшой плоский предмет, потыкала в него пальцами, потом поднесла к уху и сказала:

– Доктор Мейсен, это Мэгги. Я тут в коридоре сектора шесть обнаружила совершенно высохшее нечто, но вроде живое, хотя не представляю, как в таком теле может теплиться жизнь. Вроде как женщина. Возраст непонятен. На теле нет не только жира, но и мышц. Случай совершенно по вашей специализации, привезти тело?

Некоторое время звука из коробочки не было слышно, потом ей ответили:

– Мэгги, тело что, подкинули? А если это какой-то больной и мои пациенты заразятся? А если умрет, как потом властям объяснять, откуда взялся человек? У тела документы есть?

– Нет, видимо, но смотрит жалобно и мне почему-то хочется помочь. Сами знаете, я не слишком сентиментальная особа, а тут хочется. Да вы и сами увидите, в таком теле жизнь невозможна, но оно живет.

– Ладно, понял. Ты с каталкой? Привози ее в изолированный бокс, сделаем анализ на инфекцию и будем реанимировать. Вези. Постарайся провезти так, чтобы никто не заметил. Это может быть важно.

Большая женщина опять нажала пальцем на коробочку, и звук исчез, затем переместила металлические штуковины вниз каталки, легко приподняла меня, сгрузила на нее, накрыла белой тканью с головой и повезла по коридору. По дороге я опять отключилась.

Очнулась, когда меня раздевали и мыли, потом делали какие-то соскобы кожи, тыкали иглами, но, видимо, безрезультатно, потому что сердились, пытались открыть рот и засунуть туда какую-то палочку, елозили ею и, наконец, положили на белоснежную постель. Теперь я могла посмотреть, что вокруг.

Помещение небольшое, с массой прочных шнуров, таких раньше никогда не видела, и множеством непонятных мне предметов. Я опять отключилась и открыла глаза непонятно через какое время. На меня смотрел мужчина в белой одежде и шапочке. Рядом стояла девушка тоже в белой одежде. «У них что, поголовно траур? Мы надеваем белое, когда кого-то хороним», – подумала я. У девушки была большая грудь и широкие бедра. Она смотрела спокойно и внимательно. Посмотрела на меня, а потом на мужчину.

Мужчина взял мою руку и что-то пощупал на запястье, потом тыкал какой-то трубкой и как будто слушал что-то, постоянно недоуменно хмыкая.

– Лиз, я, конечно, профессор и мировая величина в лечении истощения, но такого еще никогда не видел. Это тело женщины, а правильное – мумия женского тела, но в ней есть жизнь. Тело полностью обезвожено до состояния несовместимого с жизнью, но оно живет. И я буду не я, если не разгадаю, как такое возможно.

– Доктор Мейсен, может, сообщим в полицию? – спросила девушка. – Вдруг это какое-то преступление или болезнь?

– Да, но тогда ее заберут в центральный госпиталь для изучения или какую-нибудь секретную лабораторию и я не узнаю, как такое возможно. Мне самому интересно разгадать эту тайну. Невероятно интересно, Лиз.

– Мне кажется, вы рискуете. Стоит ли оно того?

– Ты знаешь меня. Жизнь для меня – познание и изучение невероятного.

Какое-то время они что-то делали, а потом мужчина сказал:

– Быстрый тест на инфекцию показал ее отсутствие и, поверь моему чутью, это не инфекционное заболевание. Температура тела пониженная, и сильно, явных воспалительных процессов не наблюдается. Поэтому повесь на кровати табличку «Эмма» – пусть будет так зваться, пока не начнет говорить. И пока никому ничего не стоит знать о ней. Это просто одна из моих пациенток, которая хочет сохранить конфиденциальность. Пациентка сложная, и поэтому к ней нет доступа. Следи за ней сама. Тебе во всем будет помогать Мэгги, она ее нашла, притащила сюда и заботится с каким-то нездоровым энтузиазмом.

– А если кто из наших заинтересуется? – спросила Лиз.

– Для наших сотрудников диагноз – критическое истощение в результате нервной анорексии. Состояние на грани угасания. Доступ ограничен, кроме вас с Мэгги. Легенда: пациентка поступила к нам в тяжелом состоянии, и родственники хотят соблюсти инкогнито. Конечно, если ее кто-то будет искать, мы ответим, а пока пусть побудет здесь. И назначь все возможные обследования, ты сама знаешь, что мы обычно назначаем. Как я понимаю, кровь у нее взять не удалось. Вены запавшие, но ничего. Вставь катетер через нос и медленно порциями вводи в

желудок воду с легким раствором глюкозы и наш раствор №4, а там видно будет. Может, через некоторое время удастся добраться до вен. На тебе постоянное наблюдение за ее состоянием, а я буду думать, что делать.

Эти двое покинули комнату. Но вскоре Лиз снова зашла с пустотелым шнуром. Присела рядом со мной и сказала:

– Женщина, я не хочу сделать вам плохо. Кушать нормально вы пока не сможете, поэтому временно будем подкармливать через катетер. Его придется ввести через нос. Это немного неприятно, но потерпите. Это необходимо. Вы меня понимаете?

Я кивнула и стала терпеть. Хотя для меня это было совершенно не больно. Разве это боль? Потом в меня понемногу вливали воду с чем-то. Также Лиз присоединяла ко мне какие-то шнуры, которые называла проводами, и что-то мерила и записывала, постоянно странно меня разглядывая.

Пришла Мэгги, и они вместе с Лиз поместили меня в большую емкость с теплой водой, они называли ее ванной, и я там долго лежала. Мэгги гладила мое тело, приговаривая, что легкий массаж поможет вернуть тонус мышцам. Ночью я спала спокойно и крепко.

Утром опять появился доктор Мейсен, и я уже могла его разглядывать без пелены на глазах. А он совсем не старый, и наружность приятная. Значительно выше людей, среди которых я жила. Глаза зеленые, чуть раскосые, внимательные. Подбородок и губы упрямого человека. Волос под шапочкой особо не видно, но одна прядка выбилась, цвет рыжий. Небритый – значит, скорее всего, не буддист. Интересно, а мои волосы будут расти? Если да, то стоит ли их теперь брить? Мы ведь раз в месяц обязательно брились налысо, я даже не представляю себя с длинными волосами. Мы бреем голову для выражения намерения отказаться от личного тщеславия. Это служит напоминанием себе и другим о том, что теперь мы оставили мир. Вообще не представляю, какая я сейчас и не очень помню, какой была. Это было совсем не важно. Странно, почему сейчас меня это интересует? Я смотрела на доктора и не могла открыть рот. Язык не слушался, я промычала что-то нечленораздельное, а доктор улыбнулся.

– Лиз, смотри, у нее во взгляде появилась осмысленность. Это невероятно. Не будем принимать результаты исследования за истину. Пусть кардиограмма показывает, что сердце бьется в несколько раз медленнее, чем надо, а сосуды спали до невозможного, что легкие наполнены только на четверть и желудок размером с теннисный мячик, но она жива, а главное —энцефалограмма показывает, что мозг без патологий.

Он подошел ко мне ближе и сказал:

– Тайна ты моя таинственная и невероятная. Я вылечу тебя назло всему. А потом мы поговорим о твоих секретах, и ты мне все расскажешь. Да? Интересно, как твое имя?

Все, что я могла произнести, напрягая сухую гортань и сжатые губы – звук «Айя».

– Так и будем тебя звать, Айя. По-китайски это раньше значило Любовь, – и он улыбнулся.

Пожала плечами и мигнула. Мне было приятно его внимание. А секреты – что под этим понимать? То, что было в моей прошлой жизни? Это просто жизнь. Совершенно другая жизнь. Но разве она секретная? К нам в монастырь мог прийти любой, но научиться принять и понять учение могли не все, далеко не все. Всему учат постепенно. Сразу невозможно научиться отречься от желаний и познать суть учения Будды.

А сейчас я хотела жить. «Хочу жить, – билось в висках. – Хочу, даже если жизнь – это страдания». У меня раньше была замечательная память, отец хвалил меня. Сейчас много подзабыла, но основное знала и помнила. «Рождение – это страдание; старость – это страдание; болезнь – это страдание; смерть – это страдание; соединение с неприятным – это страдание; разъединение с приятным – это страдание; невозможность достичь желаемого – и это страдание». Знала – чтобы закончить страдания, надо перестать испытывать желания. А я не хотела переставать. Да что это со мной? Отец, наверное, покачал бы головой, узнав это. Впрочем, он

был мудр, достиг высокой степени просветления и давно научился ничему не удивляться. А я удивлялась и хотела жить и желать. Будда, за что мне это, почему?

В это время в реставрационной лаборатории

Хмурый доктор Вейлер сидел в своем кабинете. Там также находились его ассистент Томас Логан и оператор по обслуживанию томографа Сэм Бримт. Вейлер был не только хмур, но и страшно рассержен. Его речь звучала так, что могла как заморозить, так и подпалить стоявшего перед ним сотрудника.

– Сэм, ты не заметил камер слежения в хранилище реставрируемых материалов. Там отлично видно, как вы с подельником выносите статую Будды из помещения. Тебе теперь предъявят обвинение в воровстве, и наказание будет строгим. Очень строгим. Ценность украденной вами вещи невероятно велика, особенно сейчас.

Сэм от осознания сказанного побледнел, а потом покраснел и покрылся испариной.

– Я вижу, тебе нечего сказать в оправдание. И ты будешь наказан. Но я решил отсрочить наказание. Наша лаборатория будет дискредитирована надолго и, вероятно, закрыта из-за жадности и нечистоплотности одного придурка. Ты думаешь, легко сбыть такой предмет, как старинная статуя Будды? И это в то время, когда на территорию Китая никто не поедет ни за какие деньги. Там, наверно, много интересного осталось, но никто себе не враг. Поэтому то, что имеется у нас, не имеет цены. Вернее, стоимость статуи велика уже сейчас, а если будет известно, что внутри нее, то просто баснословна. Ты продал ее уже?

– Нет, – срывающимся голосом проговорил Сэм.

– Чтобы статуя сегодня же была у меня. Как ты это сделаешь, меня не касается. Сегодня же. Слышишь? Сегодня же.

– Доктор Вейлер, можно завтра утром? Среди дня ее трудно будет вынести. Она тут недалеко спрятана, можно сказать, рядом, но просто так я туда не смогу попасть. Завтра утром. И прошу, смягчите наказание. Чёрт попутал. Я мечтал... – парень хотел продолжить, но его перебили.

– Оправдания не принимаются. Всем нужны деньги, кому на дом, кому на лечение, кому на гульки. Нужны, но ради этого воровать – увольте. Раз это рядом – принесешь ее вместе с Томасом. Вечером пойдете вместе. Пока свободен, а ты, Томас, останься.

Сэм выскочил из кабинета, не оглядываясь, а Томас пораженно смотрел на шефа. Он сам не знал о камере слежения в хранилище и был удивлен оперативными действиями шефа.

– Томас, – проговорил Вейлер, – я тебе доверяю, хотя иногда не хочется доверять даже себе. Но в этой ситуации мне одному не справиться. Проследи за Сэмом. Я должен знать, куда они ее отнесли, и ты проконтролируешь ее доставку в целостности и сохранности. Можешь идти. Надеюсь, ты хорошо понимаешь, что информация не должна никуда просочиться. Ты ведь и дальше хочешь работать исследователем, а не мыть посуду? Хотя даже это теперь делают роботы. Если правда откроется, то мы все, всем коллективом, будем безработными, а ты знаешь, к чему это приводит в нашем мире.

Томас кивнул даже несколько раз, настолько хорошо представил возможную перспективу.

– Рад, что ты такой сообразительный и понимающий мальчик. Иди и проследи, чтобы статуя завтра была здесь.

Когда Томас отставил кабинет доктора, Вейлер подошел к сейфу и достал старинный свиток. Реставратор задумался. Столько тайн. И почему-то ему совсем не хотелось, чтобы кто-то прочел свиток и узнал, что там написано.

«Пожалуй-ка, я отсканирую надпись, разобью ее на части и попрошу несколько человек перевести отдельные ее фрагменты. Так будет вернее. Древнекитайский не многие знают. Интуиция меня никогда не подводила. Нельзя никому доверять тайну полностью».

Лаборатория реставрации утром

Доктор Вейлер в бешенстве шагал по кабинету и орал:

– Как внутренности статуи могли пропасть? Они пролежали там тысячу лет. Не сами же они встали и ушли? Мумия разделась, оставила после себя истлевшую одежду и ушла? Вы понимаете весь этот бред? Что я скажу заказчику? Я отдам тебя под суд, Сэм, и буду настаивать на самой строгой мере наказания. Самой ужасной. Но нас-то это не спасет.

Сэм находился почти в обмороке. Бледный, с синими дрожащими губами, он смотрел на беснующегося шефа.

– Доктор Вейлер, у меня мысль, – вдруг проговорил Томас. – Что если мы вложим в статую что-то равное по весу и объему потерявшему телу? Отреставрируем саркофаг, а сами в это время займемся поисками мумии. Заказчик ведь не знает, что было внутри. Ну, и не узнает. А внешний вид оболочки из папье-маше мы уж сумеем отреставрировать на «отлично». Будет как новенькая. Такого уровня реставраторов, как у нас, нет на всем континенте.

В кабинете воцарилось молчание. Вейлер долго и хмуро смотрел на сотрудников, потом сказал:

– Так и сделаем. Это вопрос дальнейшего существования нашей лаборатории. Если кто узнает, я тебя, Сэм, уничтожу. Понял? Заплати своему подельнику и скажи, что шеф проследил, как вы воровали статую, и приказал вернуть. Заплатишь ему за помощь, из своего кармана заплатишь. Покажешь ему сегодняшнюю фотографию статуи и мою рядом с ней на своем смартфоне. У тебя есть определитель времени съемки на смартфоне? Вот отлично, а теперь за дело. Сегодня фотка должна быть показана твоему другу и за деньги он должен все забыть. Ты понял?

Сэм кивал, кивал, кивал.

– Болван, – вздохнул Вейлер. – И как я взял тебя на работу? Но увольнять тебя пока нельзя. Можешь пригодиться. Все свободны и за дело.

Когда сотрудники покинули помещение, доктор Вейлер сел в кресло и задумался. В чудеса он не верил, значит, статуя должна где-то всплыть. А пока действительно реставрация, подделка внутренности и, конечно, расшифровка текста. И поиски мумии. Вот только почему они не взяли саркофаг? Почему? И еще более странно, что оставили одежду мумии.

Палата в Отделении нервной анорексии месяц спустя

Мэгги опять делала мне массаж. Потом под кожу вводила какие-то препараты, потом кормила через зонд, так называлась эта трубка в носу, и приговаривала:

– За месяц ты, Айя, стала похожа на обычную очень тяжелую анорексичку, а не на мумию. Это уже хорошо. Вот бы еще разговаривать начала, нам бы легче стало. Но ты уже издаешь какие-то звуки, прекрасно. Скажи: ма-ма. Так всех деток учат говорить.

Я попыталась и произнесла: Ма аaaa.

– Умница. Хорошо, что все понимаешь. Значит, скоро заговоришь.

Я полюбила Мэгги. С ней было тепло и весело. Когда она работала со мной, то рассказывала о своих родственниках, о каких-то пирожках, о цветочках возле ее дома, о прилетах птиц, о кенгуру, о погоде. Иногда она пела песни о любви, простые и незатейливые, но они приносили радость и отвлекали меня от мыслей.

Мне было приятно, и я чуть-чуть растянула губы. Они начали слушаться меня позже рук и ног. Руки почти работали. Как я месяц назад выбралась из того подвала – сама не знаю. И сейчас руки слушались меня не очень. Ноги до конца не разогнулись. Кроме бесконечных процедур, мне включали телевизор. Я научилась нажимать на кнопки и переключать каналы. Изучала этот новый мир. Пусть я не понимала новостей и избегала их сознательно, но многие программы, особенно про животных, мне нравились. Еще каналы про историю. Очень нравилось слушать музыку. Я училась понимать написанное. Я многое училась понимать. Хотя то, что узнавала, пугало меня. Моей страны больше не было. Вернее, людей в моей стране. Об этом говорили мало и как бы нехотя. Неизвестное заболевание выкосило всех жителей, имеющих определенный генофонд. То есть всех китайцев. На грани гибели правительство предположило, что это происки их извечного врага Индии и бросило на них несколько ядерных бомб. Так что населения Индии тоже почти не осталось. Это произошло 200 лет назад. Правительство Австралии запретило иммиграцию каких-либо поселенцев из других стран и прекратило любые контакты с ними. Австралия теперь полностью закрытый континент. Живет, как я поняла, неплохо. Потихоньку развивает свою экономику. В подробностях я не очень разбиралась. Было жаль мою страну. Я, конечно, и раньше не путешествовала вглубь Китая, никогда не ездила от монастыря дальше побережья моря. Но к нам приходили паломники, и они рассказывали о больших реках, густонаселенных городах и поселках, иногда о горах и о многом другом.

Мои размышления прервало появления доктора Мейсена. Он как всегда посмотрел показания приборов, послушал сердце, помял живот и удовлетворенно похлопал меня по руке. Посмотрел на меня с улыбкой.

– Идем, значит, на поправку. Молодец, Айя. Не ожидал таких результатов за месяц. Мэгги, через неделю я собираюсь начать работу с группой девушек с нервной анорексией и парой просто глупышек, надумавших худеть. Как думаешь, если Айя посидит там в инвалидном кресле и послушает, ей будет полезно?

Мэгги удивленно посмотрела на доктора, потом оценивающе на меня и сказала:

– Док, Вам виднее, раз Вы считаете, что ее уже можно вывести в люди. А если ею заинтересуются? Айя, тебе нужно общение?

Я затрясла головой. Пока мне оно не нужно. Я чувствовала, что мое сознание далеко от стабильного и не хотела излишних контактов.

– А что? Пусть на других девушек посмотрит. Вид чужой беды и чужой глупости иногда помогает осознать свою и способствует исцелению.

Я покачала головой.

Мэгги и Мейсен внимательно посмотрели на меня, и доктор сказал спокойно:

– Нет – так нет. Надо, чтобы ты и Лиз учили ее говорить. Ей необходимо будет как-то реагировать на разговор, пусть односложно, но надо. Я скажу доктору Познер.

Доктор посмотрел на меня с улыбкой, подмигнул и сказал:

– А теперь порадуй меня, Айя, и скажи: Ма-ма.

У меня получилось, и Мейсен засмеялся.

– Поздравляю. Ты скоро сможешь разговаривать. Удивительно.

Он опять похлопал меня по руке, посмотрел показания приборов и продолжил:

– Умничка, Айя. Ты выкарабкиваешься. Показатели твоего организма начинают приближаться к показаниям больных анорексией в тяжелой форме. Это невероятный прогресс. Но приборы не врут, в отличие от моих глаз и разума. Я не верю до сих пор, что такое возможно. И как мне хочется, чтобы ты заговорила и рассказала мне о себе.

Он вдруг замолчал и посмотрел на меня задумчиво.

– Слушай, а писать ты умеешь?

Я покачала головой. Писать я умела только по-китайски, а об этом не стоило пока говорить.

– Жаль, – скривился док. – Откуда же ты, Айя, что не умеешь писать? Как странно. Скажу Лиз, чтобы она начала с тобой заниматься письмом. Руки у тебя уже работают лучше. Ты хочешь научиться писать и читать?

– Может, сразу показать ей буквы на планшете, так будет легче учиться. Мои дети так сначала научились писать и читать, – сказала Мэгги.

– Пожалуй да, ты права. Возьми планшет, Мэгги, и с завтрашнего дня начинай с ней заниматься. Потом подключим к этому Лиз. Будем задействовать и восстанавливать твои мозги, Айя. Ты рада?

Я кивнула – что мне оставалось, но радости мне это не доставило.

Кабинет доктора Мейсена.

Стив Мейсен расстегнул халат, снял шапочку, позволяя довольно длинным рыжим волосам свободно коснуться шеи. Светлый салатовый джемпер очень шел ему, и в нем он уже не выглядел таким строгим профессором. Просто молодой, интересный мужчина. Ну, не совсем юноша, но тридцать восемь лет для профессора в собственной клинике – это немало. Стив включил компьютер и уставился в монитор, просматривая результаты анализов, а потом открыл свои записи.

Обходы закончились, и он начал заносить наблюдения в истории болезней. Потом открыл файл «Дневник» и записал личные наблюдения. Писал для себя то, что не стоило выносить на публику. Сначала как всегда данные новых пациентов, затем более-менее понятных случаев и закончил сложными. Хотя почти все его пациентки были сложными. Простыми он не занимался. Если только родители очень большие деньги не платили за возможность восстановления физического и психического здоровья своих чад. Как дитятке поставят диагноз анорексия и скажут, что 15-20 процентов девушек погибает, так тут они все у доктора. А деньги нужны. Гранты хорошо, но маловато. Так что периодически приходится лечить и «глупышек» – так он называл худеющих не в меру поклонниц какой-нибудь рок-звезды, способных придумать проблемы на свою вполне хорошенькую Ж. Но эти страждущие внимания и худеющие, чаще всего подростки, не имели, к своему счастью, определенных, своеобразных для типичной нервной анорексии, сдвигов в голове. А сложные его больные имели серьезные, и очень, проблемы.

Стив размышлял: «Так, сегодня поступили аж две новенькие – Жанин и Сюзи. Зареванную Сюзи привели родители. Типичная «глупышка». Сумма, требуемая за лечение в течение месяца с родителей, позволит содержать еще пятерых, а то и семерых, девушек. Вторая девушка, Жанин, увы, относилась ко второй категории. Но первой осматривал Софи, и поэтому описываю ее первой». Сначала занес данные в историю болезни.

История болезни Сюзи

Возраст 17 лет. Ученица колледжа искусств. Рост 165 см. Вес 43 кг. По визуальным наблюдениям девушке не хватает 20% необходимой массы тела, соответствующей возрасту и росту.

По словам родителей, их насторожили некоторые неврологические нарушения: рассеянность, забывчивость, резкое ухудшение успеваемости, заикленность на физических упражнениях. А также постоянные перепады настроения и проблемы со сном (с трудом засыпает, слишком долго спит), высокая утомляемость. При этом Сюзи заставляла себя заниматься спортом по 5-6 часов в день. Девочка сбросила 8 кг. Заметили, что началось с пропуска ужина, потом завтрака. Обедала, якобы в колледже. С родителями перестала откровенничать (раньше, по словам матери, была чудесным открытым ребенком). В детстве не болела серьезными инфекционными заболеваниями. С пяти лет занималась танцами и рисованием. Рисунки прилагаются.

(PS. Посредственные рисунки).

Училась средне, но старательно.

(PS. Перенести в дневник: семья хорошо обеспеченная, отец имеет адвокатскую контору, мать домохозяйка, сестра на 4 года старше Сюзи, преподает танцы).

Фактор, вызвавший желание похудеть, по словам пациентки – недостаточная внешняя привлекательность.

Анализ крови при поступлении: гемоглобин низкий, 100. Снижение уровня эритроцитов в крови. Цветной индекс крови низкий. Повышенный лейкоцитоз. Уже имеются нарушения менструального цикла.

Назначение:

Полный курс обследования.

Предварительные назначения: капельницы с глюкозой; нейролептик, витамины в инъекциях. Дробное питание под наблюдением персонала (не захочет питаться самостоятельно – принудительное питание). Иглотерапия. Массаж, обтирания, ванны. Гипнотические сеансы. Индивидуальные занятия с доктором Лиз Познер. Аппарат Нейродоктор. Групповые занятия с выздоравливающими, и наблюдение у лечащего врача в течение полугода после выписки. Телесно ориентированная терапия. В течение первой недели находиться в первой палате под постоянным наблюдением.

Теперь он занес некоторые данные в собственный дневник:

«Из разговора с пациенткой выяснил: причина – влюбленность и фанатическое преклонение перед капитаном футбольной команды колледжа. Вместе с другими девушками Сюзи преследовала объект внимания. Но, по ее словам, была не так бойка, как приятельницы, и Боб ее не замечал. Она решила подкараулить его и предложить встречаться. Видимо, обозленный парень сказал первое, пришедшее на ум, а именно: «У тебя жопа жирная». И это послужило пусковым механизмом в желании похудеть. Парень сказал это девушке, всю жизнь занимавшейся танцами, как и ее старшая сестра. Сестра, по словам Сюзи, стройная и красивая: «Все парни у ее ног, а я ее бледная тень, да еще и толстая».

Спросил, где она брала диеты. Понятно, в интернете более 8 тыс. сайтов, предлагающих диеты для похудения. В некоторых блогах еженедельно выкладываются фото ног, рук, живота до и после диеты. Все с весом и размерами. Члены блога выставляют баллы самому лучшему и худшему «худельщику». То есть компания поддержки.

Хвала родителям, быстро спохватились. Девочка похудела всего на 8 кг. За месяц у нас наберет 5 кг. Мозги вправим. Никакой психической патологии пока не заметил.

Первая личная беседа ничем не удивила меня. При упоминании о последствиях чрезмерного похудения (у нее уже несколько месяцев нет месячных) на слова, что у нее может не быть детей, пожалала плечами. На слова, что кости станут хрупкими, и она будет иметь переломы, пожалала плечами. Слова как будто обтекают ее, не касаясь сознания. Зато, заметив большое зеркало у меня в кабинете, стала без стеснения вертеться перед ним, приговаривая:

– Еще немного похудею и буду просто неотразима. А Вы лучше подлечите мне желудок, у меня с ним проблемы, поэтому я не могу много есть. Стандартный обман. Такие пациенты –

хорошие манипуляторы. Желудок у нее, конечно, не совсем в порядке, но не в нем первопричина. Пациентка несложная, типичная молодая «глупышка», жертва моды, рекламы и групповых предпочтений. Все как всегда – влюбленность в лидера, желание привлечь внимание, стремление доказать себе, что достойна и может достичь желаемого. Волевая составляющая неплохая. Ее бы в мирное русло. Девы, девы!»

Мейсен почти закончил описание случая Сюзи. В это время в дверь постучали и сразу приоткрыли.

– Я освободилась, Стив, – раздался игривый голос Лиз.

– А я еще не закончил с записями, извини, – сказал почти грубо, в чем сразу раскаялся.

И, оправдываясь, произнес уже другим тоном:

– Увлёкся, как всегда.

—Что-нибудь интересное? – спросила Лиз, присаживаясь на спинку его кресла.

Он приобнял ее за соблазнительную попку.

– Аппетитная попка, – и похлопал по ней, – но смогу уделить ей внимание чуть позже.

– Ничего, милый, я сегодня дежурю, время у нас еще будет.

– Тогда заглянешь ко мне через часок, – и провел пальцем по ноге вверх к трусикам.

Лиз нагнулась и поцеловала его в шею.

– Конечно, занятый ты мой. И как только я тебя терплю? – она улыбнулась.

– Потому что лучшего любовника ты не найдешь.

– А мужа найду? – спросила девушка с непонятной надеждой в голосе.

– Лиз, опять ты за свое. Разве я противлюсь твоим матримониальным планам? Хотя не понимаю, зачем тебе муж.

Лиз и сама с трудом отдавала себе в этом отчет. Все ее однокурсницы или замужем, или побывали там. А она как белая ворона среди них. И еще она подспудно мечтала и, не признаваясь себе в этом, хотела ребенка, и чтобы вечер втроем, и чтобы было мягко и уютно. Как в сериале или в сказке. Если бы она рассказала об этом Стиву, отделался бы какой-нибудь язвительной фразой, и поэтому она молчала. Эту ее эмоцию он не распознавал, так как она была туманнее тумана. Иллюзия мечты простужки. Лиз не хотела слыть и быть простужкой. Она долго работала и преуспела в этом, создавая образ очень умной, раскрепощенной стервы.

А Стив уже говорил дальше:

– Я не муж и никогда им не буду. Я наукой озабоченная сволочь. Я отпетый холостяк и неисправимый любитель женщин. Разных женщин. В другие века у меня, конечно же, был бы гарем. Но ты, Лиз, ты и сейчас старшая жена в гареме. Девушки приходят и уходят, а ты остаешься. Как тебе только не надоело ревновать?

– Это не ревность. Просто я боюсь, что ты найдешь замену старшей жене, а это меня не устраивает.

– Кого, Лиз? Кого найду и зачем? Мне интересны особенные женщины. Гиперсексуальные как ты, а также сложные, с надрывом. Проблемные. С большими тараканами в голове. Те, кому я нужен, которые без меня не справятся, не выплывут, не вылетят, просто погибнут. Я люблю своих пациенток, как детей и любовниц одновременно. Мои пациентки приходят, вылечиваются и уходят. А ты остаешься.

– Стив, что тебе в них нравится? Страшные, изможденные, вначале абсолютно асексуальные, со странными галлюцинациями. Ужас. Но тебе нравится вытягивать их из их ям на своей бесконечной сексуальной энергии, вкачивать в их больные головы, что они сексапильны, неповторимы и будут еще краше, когда поправятся. В прямом и переносном смысле – и физически, и психически. Ты копаешься в их головах, в их страхах, фобиях. Ты спишь с ними без всяких дальнейших обязательств.

– И мне нравится, что это заведомо временные связи. И нравится пробуждать сексуальные желания у таких девушек, как наши, со сниженным либидо. Если оно просыпается – значит, они идут на поправку. Это как спорт для меня и, конечно, их лечение. Нельзя жить в полном воздержании. Ты ведь согласна со мной? – он погладил Лиз по коленке. – И мне нравится, что ты, Лиз, в это время присматриваешь за ними, их головами. Ты прекрасный психотерапевт, сексопатолог и просто умная женщина. У нас замечательный тандем. Не находишь? И к чему весь этот разговор? Мы вместе четыре

года. Ты превосходная любовница. Ты красивая и умная. Я привык к тебе. Зачем что-то менять? Ты мастерски справляешься со своей работой.

– Я их не соблазняю, как ты, – фыркнула Лиз.

– О... твои невероятные способности никто не оспаривает. Ты помогаешь им понять себя. Стать сильной стороной в межличностных отношениях. Поверить в себя еще и через разум, а не только через эмоции. С твоей помощью мне удастся убедить их, что, перестав быть истощенными, они будут просто красавицами. Ведь у них сбивка сознания на этой почве.

– Я их убеждаю, – Лиз иронически улыбнулась, – но не всегда верю, что они все поголовно красавицы, как ты убежден. По-твоему выходит – все женщины красивы? Да-да, Стив, даже наша Айя. Даже эта мумия. Ты называешь ее любовью, но неужели и на нее у тебя встанет?

Он промолчал, задумавшись. Вот мумию он точно не воспринимал как женщину. Только как абстрактный артефакт, загадку, как вызов всему реальному, как вызов себе: сможет ли создать тело из костей?

– Лиз, пойми, Айя для меня – это как игра в Бога. Он из ребра создал Еву, а я хочу из женского человеческого скелета создать тело. Причем нормальное молодое тело.

– И, конечно, заняться с ним, с телом, сексом.

– Так далеко я не заглядывал. Мне пока надо нарастить мышцы на скелет. Да, мы давно не делали ей томограмму внутренних органов. Интересно, как там идет процесс. Но это не сейчас. Через пару недель, не раньше.

– Кстати, Стив, наш техник на томографе хочет подать заявление об уходе. Его семья собирается переезжать в другой округ. Надо поискать хорошую замену.

– Надо. Нельзя брать, кого попало. За месяц, надеюсь, найдем нужного. И еще хочу напомнить тебе, дорогая. Вы начнете заниматься с Айей чтением и письмом – сначала Мэгги, а потом ты. Мне нужна информация о ней. Боюсь, что нормально она еще не так скоро заговорит, а мне интересно, откуда она и как сюда попала. И мне не нравится, что ты несколько предвзято относишься к Айе.

– Совсем не предвзято, но ты не поверишь, я ее боюсь. Понимаю, звучит странно: как можно бояться почти совершенно беспомощного человека? Но она как инопланетянка, совсем другая. Странная, чужая. А вот Мэг ее обожает, да и Айе она тоже нравится. Я это чувствую. А еще я думаю, что она ничего не расскажет. Во всяком случае, сейчас. Стив, посмотри правде в глаза. То, что она жива – невозможно. Ее существование невозможно. Оно несовместимо с жизнью.

– Конечно, я понимаю. Надеюсь, ты ни с кем это не обсуждала? Ведешь запись лечения и развития процесса и прячешь эти записи, как и я, в сейфе?

– Обижаешь. Зачем мне терять работу? Все фиксирую, снимаю. Понимаю, если у тебя получится воскресить это существо – это будет сенсация, и мы опять получим гранты, и сможем купить новое оборудование, и...

Лиз замолчала, раздумывая, как задать волнующий ее вопрос.

– Скажи Стив, вот она у нас уже около месяца, как ты ее ощущаешь? Ты никогда про нее ничего говоришь. Как будто это табу. Других девушек ты спокойно обсуждаешь, делишься со мной мыслями. А эта? Что ты возле нее видишь? Мне вот возле нее холодно, а Мэгги тянется к ней, как к камину в холодный вечер. Скажешь? Или опять промолчишь?

Стив пересадил Лиз в кресло напротив и внимательно посмотрел на нее, явно раздумывая, говорить или нет. Но вдруг рассмеялся.

– Твоя ревность Лиз, сейчас, как большая полосатая зверюга, сидит у твоих ног и хищно смотрит на меня. У нее очень большие когти и такие же большие зубы, а уши прижаты к голове. Погладь ее, дорогая, успокой.

Лиз, дернулась и опустила глаза.

– Я не- рев-ную, – медленно, почти по слогам, проговорила она.

– Ревнуешь, не спорь. Что толку отрицать очевидное? Ты же знаешь, я вижу эмоции, своеобразно вижу. Говорят, сон разума порождает чудовищ, а все гораздо проще – сознание, когда не справляется с эмоциями, порождает их аватары. Вот пробежала маленькой серой мышкой тревога: вдруг я сегодня заработаюсь, и ты не получишь то, что хочешь? На подоконнике сидит Птица Обида. Хотя я столько раз говорил тебе, Лиз: сначала работа, а потом личное. Сколько? Почему этот сип то увеличивается, то уменьшается? Я так его не люблю. У пациенток эта вонючая зараза иногда достигает огромных размеров.

Стив замолчал. Его удивительная особенность видеть эмоции позволяла ему понимать пациентов и лечить их. Он видел сильные, и отрицательные, и положительные эмоции пациентов. Аватары эмоций. Как это иногда напрягает! Они становятся бесконтрольными у больных или у близких людей, и он видел, как они выются у ног человека. Иногда пытаются напасть. Гнев и ярость, например, умеют сыпать искрами. Посмотрел на Лиз.

– Только ты зря ревнуешь. Здесь загадка для моего честолюбия. Я или Он.

– Он – это Бог?

Стив кивнул.

– Он подкинул мне проблему, как кость. Сможешь, поймешь – умница, а нет – грош тебе цена. Что-то сложно даются слова.

Стив молчал, а ревность, сидящая у ног Лиз, уменьшалась в размере, но до конца не пропадала.

– Если бы я понимал. Если бы. Лиз, поверь, все слишком странно. Я не про тело. Сама знаешь. Для меня важно тело, как сосуд для сознания. Часто больного, ущербного, расколотого, но сознания, которое я ощущаю, к которому могу прикоснуться. Ты знаешь, я могу, умею это делать. Поэтому и лечу их. Лечу, касаясь и убирая больные, извращенные образы, восстанавливая их не только гипнозом, лекарствами, сексом. А тут я не чувствую. Ее сознание закрыто для меня. Ее сознание иногда как бы вылезает наружу, словно язык изо рта, и снова уходит вовнутрь, в недостижимость. И там я не могу его коснуться. А ее эмоции, они не вспыхивают – так, небольшие всполохи любопытства, но у нее все под контролем. Строжайшим и непробиваемым. Кто она? Иная сущность, богиня? Но точно – не просто человек.

– Может, у нее их нет, эмоций? А такие, как гнев, боль, тревога, обида – неужели отсутствуют?

– Представь себе – да. Или я их не вижу. Вот твои вижу. Например, сейчас лежит у кресла твоя похоть. Извини, пусть будет твое сексуальное желание. Не обижайся, от изменения названия суть не меняется. Лоснящаяся ленивая кошка. Она умывает мордочку и никуда не спешит, знает, своего дождется. Я коснусь ее, и она замурлыкает.

Лиз засмеялась.

– Милый, как романтично. Но ты с этим живешь, и это ужасно.

– Я умею с ними ладить. В детстве был уверен, подобное видят все, и был удивлен, что это не так. Потом стал скрывать, чтобы не попасть в лечебницу. Потом научился использовать.

– Ты такой странный, Стив, но мне это нравится. Пойду, не буду тебе мешать. Да, ты помнишь, что на следующей неделе у тебя выступление на телевидении в часовой программе «Расстройства пищевого поведения и к чему они приводят»? Просили придумать какую-нибудь изюминку для привлечения внимания телезрителей.

– О... Может, ты выступишь, Лиз? Ты красивая, импозантная, фотогеничная, а я...

– А ты руководитель клиники, профессор и т.д. Увильнуть не удастся. Передача очень высокорейтинговая. Ожирение – невероятно актуальная тема, и многих интересует, к чему приводит его противоположность. Я пошла, надеюсь, Жанет или Жаклин не займет у тебя слишком много времени.

– Вот не знаю, – засмеялся Стив, – интересный случай и интересная девушка.

– Тогда приятного времяпрепровождения, а потом я вся твоя.

Дверь закрылась, и Стив, наконец, смог заняться внесением в дневник записей о новой больной.

«Итак, Жанин, 23 года. Пишет статьи в модном журнале для женщин «Мужчина в твоей жизни».

Пришла сама, после того, как заметила, что волосы на голове начали выпадать, появился странный пушок на теле, постоянное ощущение холода, а также ощущение пустоты и безразличия. Очень истощена. Сразу видно, что у девушки не хватает более 25% массы тела. После разговора стало понятно, что это наш типичный клиент с нервной анорексией. Итак:

Девушка рассказала, что с матерью отношения сложные. Старается от нее отгородиться.

(PS. Характерно. Начиталась про токсических родственников.)

В процессе беседы выяснилось, что девушка очень хорошо училась, была отличницей, стипендиаткой колледжа. Занималась спортом. Мечтала стать журналистом высокого класса.

(PS. Явная перфекционистка).

Всегда предъявляла к себе высокие требования. Попала работать в женский журнал. Разочарована низким уровнем и проблематикой статей. Со временем возникли неурядицы на личном фронте. Попробовала ни о чем не думать и быть, как все, и вот (привожу выдержки из рассказа пациентки, записанные на диктофон):

– Он, конечно, козел, я это знала, но мне все равно было больно. Вы, доктор, мужчина, и должны знать мое отношение к вашему полу. Вам нужны такие женщины, у которых месячные бывают раз в полгода и длятся три часа, и которые рожают, не отрываясь от приготовления жаркого из индюшки. Мы расстались с ним через три месяца совместной жизни. Он сказал, что у меня целлюлитные бедра и еще что-то. На самом деле ему встретишься белобрысая

моделька. И я сделала то, что делают многие женщины, когда чувствуют себя неуютно в своем теле: решила похудеть. Вначале это выглядело так, будто я забочусь о здоровье. Я тщательно изучала питательную ценность продуктов, считала калории и начала делать зарядку. Скоро я стала похожа на карикатуры в журналах: выходила в 5 утра на пробежку, пробегала 5 миль, а потом весь день питалась горсткой миндаля.

Мой вес стремительно снижался. Я ликовала, когда видела новые показатели на весах. Мне было приятно, что могу контролировать свой вес, и это стало навязчивой идеей. Я все худела и худела. Подруга просила меня остановиться, говоря: «Тошная корова совсем не то, что стройная газель». Но это почему-то только злило меня. Я не могла остановиться. Я ощущала странное удовольствие, которое мне доставлял процесс борьбы с чувством голода.

(PS. Это и есть суть нервной анорексии. Это способ активного преодоления трудностей и компенсации ощущений беспомощности в других сферах жизни).

Но однажды я принимала душ и увидела в своей руке огромный пучок волос. Я и раньше видела, что волосы выпадают, они были повсюду: на подушке, в ванной, на одежде. Но никогда раньше не падали пучками.

Я, наконец, осознала, до какого состояния себя довела, и впервые мне захотелось начать лечение.

(PS. Облысение часто сопутствует анорексии. Голодающее тело включает кризисный режим и работает в ритме, который позволяет выжить. Густые волосы не относятся к жизненно необходимым ресурсам).

И вот я у Вас. Сколько будет стоить мое лечение и как долго продлится? У меня есть страховка, некоторые сбережения. Я хочу оставить свой дурацкий журнал, но надо на что-то лечиться и жить.

– Успокойтесь, Жанин. Кое-что покроет страховка. У Вас показания к бесплатному лечению, но сколько продлится – не могу сказать. Не быстро. До полугода и более.

– Сколько?

– Да, Вы тут надолго. Не хотите – идите умирать.

– Почему сразу умирать?

– Потому что сами Вы, без стационарного лечения, не выкарабкаетесь. Процесс далеко зашел. Если сегодня ляжете, то завтра пройдете все обследования и сдадите анализы. И Вы должны дать согласие на все процедуры, которые врач посчитает необходимыми.

– Вы делаете что-то противозаконное?

– Нет. Но я отрабатываю новые методы лечения. У нас клиника научной медицины. Вы согласны?

– Я подумаю.

– Ваше право. Больше не задерживаю.

Жанин ушла. Ушла с целой толпой эмоциональных монстров, которые окружали ее. Страх, отчаяние, тревога, тоска, обида – всех не перечесать. Хороший зверинец развела девушка. Я себя уговаривал, что она умница и вернется. Только бы не совершила самоубийство. У наших больных это довольно распространенное действо. Умненькие девочки, когда начинают понимать, что не они управляют мозгом, а он подбрасывает им иллюзии, начинают самоустраняться. Хотя бы не совершила. Предчувствие было. Нехорошее предчувствие. Стив набрал номер штатного детектива и попросил сегодня же присмотреть за ней. Если что – пусть сразу привозит сюда.

Стиву нравилось заниматься своими больными. Мозг – интересная штука. А исследование этой болезни – как ступенька для понимания структуры сознания. С точки зрения общей психопатологии анорексию можно отнести к патологии влечений. Человек видит себя толстым вопреки всем реальным доказательствам. Это галлюциногенная игра мозга. Небольшая игра сознания, только с ощущением полноты, которой нет. Не так, как у тяжелых шизофреников, где ничего нельзя доказать вообще. Поэтому он начал с этого «простого» случая.

Как он написал в одной статье: «Некоторые факторы (довольно разнообразные, к слову) приводят к сбою в работе определенных отделов головного мозга и нарушению нейронных связей. Другими словами, мозг перестает отдавать "правильные" приказы для четкой работы вашей нервной системы, что приводит к анорексии, а потом и к более серьезным последствиям».

Существует еще и психологический фактор: еда или не-еда становятся для них единственной "по-настоящему контролируемой" возможностью в их жизни, в то время как потерял контроль над всеми, или почти всеми остальными областями жизни. По-своему переадресованная агрессия обиды на себя.

Задумался. Мозг, который, как говорят, никогда не устает, захотел сменить род занятий. Поэтому назначения для Жанин решил написать завтра.

Он с Лиз провел пару замечательных часов. Стив не мог жить без секса. С Лиз секс замечательный. Она умелая любовница. Ласковая и страстная. И она всегда рядом. Это ее особенное достоинство. Вообще-то много девушек рядом. В отделении более 50 человек. Лечатся у них подолгу, и многим девушкам предлагается сексотерапия. Некоторые не отказываются. Большинство выбирают его, но в клинике подрабатывают и профессиональные стриптизеры, и мальчики для оказания сексуальных услуг.

Очень хороший эффект лечения. Секс стимулирует у девушек желание жить и утверждает в них уверенность, что они нормальные. Кто-то осудит подобное, но Стив совершенно не чувствовал себя развратником. Жизнь во всех проявлениях чудесна. Лиз неповторима, но надо бы пригласить в кабинет еще Люси, она тоже неповторима. Все живое неповторимо. И это прекрасно. Но с неудовольствием вспомнил, что еще надо бы подготовиться к выступлению по телевидению. Некоторые идеи у него появились. Хотите яркое, запоминающееся выступление – получите. А теперь спать.

Но спокойно заснуть ему не дали. Их детектив вкатил каталку, на которой находилось тело Жанин.

– Жива? – спросил тихо Стив.

– Пока да. Захватил ее ноут и бумаги, что нашел у нее на столе. Сгреб все. Знаю, Вам могут пригодиться. Она пробовала метод: как долго будет умирать, если передавит артерию на шее. И как они узнают об Акутагаве?

– Этого добра полно в интернете. Он сохранил популярность до наших дней. Известно, что он сдавливал себе горло и считал, через какой промежуток времени начнет отключаться.

Пощупал пульс. Очень слабый, нитчатый. Давление тоже запредельно низкое.

– Вези ее в реанимацию. Сейчас там дежурит доктор Дентор. Он все сделает, как следует, а я посмотрю ее ноут, наверняка дневник там и незапаролен – живет одна, и бумаги.

Стив довольно быстро нашел нужный файл и начал изучать этот поток сознания. Читать ее сумбурные, на грани вменяемости записи, сделанные после селфи и принятия фуру:

«Вчера, наглотавшись фуру по самую глотку, посмотрела на себя. Мерзость. И вот ты идёшь и видишь себя. Себя настоящую. Такую толстую и отвратительную. Твои ноги, нет, я бы не назвала это ногами, это нечто в виде двух неровных стволов старого дуба, делающих шаг за шагом, и каждый шаг все омерзительней. Само собой, без поиска, чем бы еще снизить вес, не обойтись.

Каждый час в течение целой ночи ты только и делаешь, что пьешь холодную воду и ходишь к белому другу. Надо наказать себя за эту толщину. Взяв нож, ты просто режешь себя как свинью. Тебе плевать на боль, ты этого заслужила, ты должна это делать. Тебе надоело вечно резать руки и ноги, пару порезов на шее не помешали бы. Там тоже есть жир. Слезы, боль, кровь и музыка – твоя компания этой непроглядной ночью. Красные линии на руке болят не хуже прошлого раза. Утром сильно хочется пить. Но отвращение идет даже от кофе, который так любишь. Это прекрасно. Заполнив себя двумя глотками воды, ты идёшь в туалет. Фуру ещё действует. Но уже начался полный карнавал. Твои ноги трясутся в судорогах, руки как старые ветви, сухие и безжизненные. Вены показали свой истинный облик, проявившись на коже мертвенной синевой. Тошнота – словно от морской болезни. Тебе нравится это море, но оно тебя уничтожает. Рвота дала понять, что вчерашняя еда не переварилась за ночь, а вышла так же, как и пришла. Ты счастлива. Счастлива, что её больше нет в тебе. И хочется ещё, и ещё, и ещё! Два пальца в рот, так учила меня девочка с сайта. Кажется, что твои ноги уменьшились, а руки, на которых так же красовались красные, словно роза с шипами, порезы, стали бледнее снега. Поток сознания качнул вымотанное тело. Вскоре этот ритуал закончился. Приучилась убирать за собой все, что вышло из организма. Готова платить такими страданиями, только лишь прошу, Господь, помоги мне стать той самой, которую ветром сносит. Той, которая не ест и пьёт чай на завтрак, обед и ужин.

(PS. Фуру (флуоксетин) – шестнадцать ана-сообществ регулярно публикуют сообщения о продаже рецептурных лекарств – флуоксетина).

Там еще была выдержка из Акутагавы: « Кроме того, я знал, что совершить самоубийство одному легче, чем вдвоем. В этом есть к тому же свое удобство, можно свободно выбрать время самоубийства. И последнее. Я постарался сделать все, чтобы никто из семьи не догадался, что я замышляю покончить с собой. После многомесячной подготовки я, наконец, обрел уверенность. Я хладнокровно завершил подготовку и теперь остался наедине со смертью».

А потом шли стихи. Она их назвала «Серые стихи»:

Серая личность, серый лик,

Серая комната, серый миг.

В день, когда мать меня родила,

В небе висела серая мгла.

Серые будни, серая жизнь,

Ноль по модулю, как ни рвись.

И не дано ни понять, ни постичь —

Хоть тысяча яблок на темя свались,

Что же тем делать, которых много,

Которые не гении и не уроды?

В брошенном доме судьбы жить,

Совсем не мечтать, совсем не любить?

Кто мы такие – игра вселенной

Или отбора песок отменный?

И кто же это так зло пощупил,

В бездарную голову душу вложил?

Зачем мне дали это тело,

Что все могло и все хотело?

Зачем есть место этой мысли,

Как над собой себя возвысить?

Мне не понять, не уяснить,

Опять фуру придется пить.

Уйду к чертям.

Закрыл чужой ноут. Засунул бумаги в папку и пошел спать. Завтра будет интересно.

Квартира доктора Вейлера.

Марк Вейлер наконец получил последний фрагмент переводов текста свитка, найденного в постаменте пресловутой статуи Будды.

Руки у него не дрожали, когда он выкладывал переводы в последовательности, в которой они располагались в свитке, просто стали влажными... А текст гласил: *«Она жива и очнется через тысячу лет. Ей известен фрагмент рецепта бессмертия. Она знает, как продлить жизнь человека. Я научил ее. Но полный рецепт я сохранил в месте, которое знает только Она. Войска Чингисхана слишком близко. Я ухожу, а она будет ждать своего часа».*

Марк взял в руки стакан с водой и выпил одним махом. Значит, она сама покинула статую. Или ей все-таки помогли? Не могла она, просидев тысячу лет, встать и уйти. Или могла? Одна ночь отделяла его от разгадки тайны бессмертия. Пусть частичной. Можно, здраво рассуждая, решить, что это насмешка монаха, жившего много лет назад. Но верить в то, что удача была у него в руках – бессмертие было рядом, а он опоздал, опоздал на какой-то один день... Всего один день, и дурак Сэм, и он сам дурак. Все глупо до абсурдности. Мысль билась в висок. Где ее искать? Надо выпить и отвлечься. Он знал, что главное – загрузить мозг информацией, а там он сам постарается и поищет подсказку. Выпить. Выпить, но уже не воды.

Доктор Вэйлер знал, что китайские императоры были невероятно обеспокоены вопросом бессмертия и всячески способствовали изобретениям его. Например, Цинь Шихуан известен поисками эликсира бессмертия, это стало его идефиксом. Интересно, что последующие владельцы Китая идею бессмертия не оставили. На открытие волшебного средства тратилось много денег, некоторые императоры даже скончались раньше времени, отравившись в ходе неудачного эксперимента. Кстати, именно в процессе этих поисков был случайно изобретён порох. В конце концов, китайская мысль направилась в другую сторону: смерть решили победить с помощью эротической магии и вампиризма.

Нет, кровь, конечно, никто не сосал – вампиризм был чисто энергетическим. Назывался такой метод – «воровским походом на небо». Здесь китайским императорам подмогли даосы, объяснившие, что во время полового акта мужчина теряет жизненную энергию вместе с семенем. Но из этого не следовал отказ от секса, наоборот, даосы настоятельно рекомендовали совокупляться как можно чаще и с разными женщинами, по возможности юными и не рожавшими. При этом на каждый десяток эротических контактов должно приходиться не более двух-трёх эякуляций, лучше ещё и меньше. А вот женщину желательно доводить до оргазма как можно чаще: именно при таком раскладе она выплёскивается и отдаёт «экономному» партнёру драгоценную жизненную энергию.

«Поход» был строго регламентирован: «Следует просто, без каких-либо особых поз совокупляться и не извергать семя... Входить нужно, пока член ещё мягкий, выходить – когда он становится напряжённым... Если заниматься любовью таким образом десятки раз в день, жизнь удлинится сама по себе... Чем больше будет женщин, тем лучше...». И дополнение: «если кто-то постоянно спит с одной и той же женщиной, то её жизненные силы постепенно ослабевают вплоть до того, что она больше не может принести мужчине пользу. Она начинает питаться его силой, а он из-за этого худеет».

Главным в процессе омоложения было не повстречать женщину, владеющую теми же вампирскими методиками. В противном случае – болезнь и преждевременная смерть. Можно спорить об эффективности такой практики, но для «доноров» она явно не была мучительной.

«Чего не скажешь о других сексуальных затеях китайской аристократии тех времен», – подумал Вейлер.

И еще он вспомнил, что Китай был единственной страной, где евнухи иногда, при возможности, имели... гаремы. Не только потому, что мучились от неудовлетворённой похоти, но и потому, что, как и императоры, верили в эротическую магию. Облизывая, тиская и лаская девушек, кастрат надеялся на регенерацию «удаленно» – отрастают же хвосты у ящериц!

Марк налил виски и включил телевизор. Нужно отвлечься на что угодно. На канале шла программа «О расстройствах пищевого поведения». Марк было собрался переключить канал, но рука дрогнула. Передачу вел известный профессор Стив Мейсен, занимающийся лечением пищевых расстройств. Он знал его лично. Клиника Мейсена находилась совсем рядом. И именно в подвал этой клиники идиот Сэм спрятал статую. Неужели фортуна повернулась лицом? Марк припал к экрану.

Доктор Мейсен рассказывал интересно. Сначала он запугивал девушек и их родителей, сообщая, что Культ Барби грозит гибелью. Три основные причины смерти – самоубийство, остановка сердца, потому что сердце становится капельным, вытягивается, или низкое давление, например, пульс ниже 55 ударов. Это всё – показания для лечения в стационаре.

Первопричина анорексии неизвестна. Однако полагают, что основные нарушения связаны с исходным чувством страха и незрелостью психосексуальной сферы, что сопровождается отказом от какой-либо сексуальной активности и является ведущим механизмом развития заболевания. Потребность больных "контролировать" свое тело свидетельствует о подспудном страхе потерять такой контроль.

Любопытно, что нервная анорексия практически не встречается среди малообеспеченных слоев населения или у представителей черной расы.

Ошибочное восприятие собственного тела вряд ли объясняет почти галлюцинаторное состояние, в котором пребывает девушка. Она видит в зеркале себя совершенно истощенной, потерявшей порой десятки килограммов, и все равно повторяет, что еще слишком толстая. Очевидно, она чувствует необходимость видеть себя толстой. И это желание снижает способность к восприятию реальности, но только по отношению к самой себе.

Суть нервной анорексии состоит в странном удовольствии, которое им доставляет процесс борьбы с чувством голода.

Мейсен привел парочку страшилок. Нужно же запугать публику, прежде всего родителей, богатеньких родителей, которые потащат своих чад на лечение в клинику Мейсена.

На экране появилась фотография симпатичной девушки. Совсем не толстая. Ямочки на щеках. Улыбчивая. Однако ее парень при ссоре вскользь заметил, что у нее целлюлит на бедрах. И она начала худеть. Потом ее лечили. Но когда она, поправившись в ходе лечения (не

в нашей клинике, заметил Мейсен) с 32 до 44 килограмм, была выписана домой, она решила покончить жизнь самоубийством, и выпрыгнула из окна четвертого этажа.

Потом появилась женщина средних лет, ее лицо не показывали. Она рассказала, что ее дочь заболела анорексией в 17 лет. А когда ей было 20 лет, она упала в голодный обморок и задохнулась из-за того, что язык запал в горло и перекрыл дыхание. Она также рассказала, что по заключению судмедэксперта, практически все органы ее дочери были как у 70—80-летнего человека.

Ведущий обратился к профессору:

– Расскажите о современных методах лечения анорексии. И как Вы лечите это заболевание?

Мейсен встрепенулся и, как заправский политик, стал пиарить свою клинику:

– О, у нас много традиционных методик, таких как гипноз, психотерапия, медикаментозных и других. Но есть и новые, такие как прибор НейроДоктор и некоторые другие. Они дают очень хорошие результаты. Очень эффективны и мои личные наработки, но о них пока рано говорить. Из традиционных хорошо себя зарекомендовала групповая терапия. Девушки, человек пять-шесть, собираются вместе за чашечкой чая и разговаривают, делятся своими мыслями, читают стихи, выплескивая свои эмоции. Мы поощряем написание стихов. Это стимулирует мозг и отвлекает от праздного времяпрепровождения. Кроме того, вербально отраженные негативные эмоции облегчают избавление от них пациента. Стихи часто странные, но написание их помогает девушкам. Вот фрагмент одного из наших занятий.

И он включил видео. Лиц девушек видно не было.

С экрана звучал надтреснутый, видимо, немного измененный голос девушки. Она читала стихи совсем не профессионально. Но от этого становилось еще хуже.

Ах, депрессия моя ты, депрессия,

Ты мне слово не скажи, а то повешусь я.

Подберу сучок-крючок, петлю потуже,

Заскрипит, не выдержит – им же хуже.

Бреши – не вишу еще пока – тришу.

Сижусь, думаю про глупую Грушу.

Мужиков любила – говорила лапочки,

А теперь она для них, увы, до лампочки.

Понимаю, не депрессия у меня, а регрессия —

В мозге мученическая куралесия.
Чтобы позабылись все мои ненастья:
Очки мне краской розовой раскрасьте,
А смерти белый сарафан в цветочки
Пушай наденут Груше ангелочки...
Проехали. Пора поставить точки.
Зверек по имени песец —
Моих стихов достойный чтец,
Какой мохнатенький подлец,
Махнул хвостом, да и в кусты
Тут все вранье, пора уйти — устала ты.

Еще одно стихотворение читала девушка в очень симпатичном платьишке, ее лица тоже нельзя было разглядеть.

Душа с наслаждением наелась борща
И, посмотрев на всех свысока,
Предложила решить вопрос сообща.
Но каждый валял своего дурака:
Рука пыталась налить на себя кипятка.
Пятки играли друг с другом в прятки.
Сердце ворчало про кровь в недостатке,
Мозг, считая себя отщепенцем,
Голову туго обвязал полотенцем.
Я же тихо сидела в углу,
Думала, что будет, если сейчас умру
И как ненавижу эту дыру,

*Где всю жизнь играю в чужую игру.
Вижу, как мир – паразит, неказист
Про пустую мечту вопит и басит,
Трансвестит меняет что-то в судьбе,
Пацифист упражняется лихо в стрельбе.
Во мне ток течет в кровоток,
И нет звезд, надо мной – потолок,
А со лба вода горяча – осознание
От увиденных глубин мироздания.
Кто бы страх под кровать уволок.
Каждый миг обман, кривотолк.*

Сделав нужную паузу, чтобы публика переварила услышанное, Мейсен стал обращаться к родителям и знакомым девушек, страдающих неумеренным желанием похудеть, с предложением обратить на это пристальное внимание:

– Следите, как это ни плохо звучит, на какие сайты ходят ваши дети. Сейчас насчитывается более 5 тысяч АНА – сайтов, где разыгрывают идею похудения.

Потом шло перечисление ряда особо вредоносных сайтов, в которых выкладываются фотографии похудевших красавиц.

Потом, конечно, следовало предложение, если что, обращаться в его клинику.

– У нас самые современные методы лечения. Курс активного лечения больных нервной анорексией приблизительно составляет 10—12 месяцев. При рецидивах данного заболевания больные могут быть повторно госпитализированы. Родные и близкие, обратите внимание на своих детей.

Доктор Вейлер еще долго смотрел на экран телевизора, где уже шла реклама, а потом началась другая передача. Пил виски и думал, как ему попасть в клинику Мейсена. Теперь он был почти уверен, что пропавшая мумия у него. Просто так спросить, поступала ли к нему пациентка, похожая на мумию, он не мог. Надо внедриться в его лабораторию или подкупить кого-нибудь из персонала. А сейчас нужно узнать все о самом Мейсене, его сотрудниках и самом отделении, кто там лечится и т. д.

Марк задумался. Как? И вдруг в сознании мелькнуло воспоминание. Он залпом допил виски, глаза заблестели, и губы сами растянулись в улыбке. Он знал человека оттуда. Не просто человека, и не просто врача, но и правую руку самого Мейсена. Это была Лиз Познер.

Вейлер вспомнил, как тогда он, еще женатый, но уже ни на что хорошее не надеющийся, провинившийся муж, записался на прием к семейному психологу. Зачем записался – сам не знал. Все ходят к психологу, и он пошел. Пошел из-за того, что его жена Надин застала его общающимся с лаборанткой. Ну, скажем, не просто так общающимся, а приятно общающимся на диване в его кабинете. И это при том, что он старался не заводить отношений на работе. Но слишком уж откровенные взгляды бросала девушка на своего начальника и слишком близко тогда подошла к его столу и наклонилась, показывая молодую тугую грудь. Сладкий запах духов, просьба о чем-то, слова с придыханием. Ему 38 лет, а ей чуть больше 20-ти, но она уже такая б... Тут забываешь про пять лет брака, который заключился скорее по расчету, чем по любви. Хотя... хотя были и приятные моменты. Надин имела симпатичное личико, неглупую голову и хорошее приданое в виде папы. Немного холодновата, но идеальных не бывает. Самым выигрышным моментом в их браке был отец Надин – известный профессор и член нескольких комиссий по вопросам исторических ценностей. Он поддержал его кандидатуру на пост руководителя большой лаборатории реконструкции и реставрации предметов искусства, выбил немаленькое финансирование для лаборатории, которую Вейлер теперь возглавлял. Они поженились и жили долго и тоскливо, погруженные каждый в свои проблемы. И дальше бы жили. Зачем ей был развод, он так и не понял. Но тогда, пытаясь сохранить брак, записался на консультацию к этой Лиз Познер.

Она же была молода, несерьезно молода и недопустимо красива для врача по семейным отношениям. Мужчина вспомнил ее и провел рукой по волосам на затылке. Они еще были густые и почти без проседи. Вспомнил, как она запускала в них руки, такие жадные и горячие. Да. Сначала она вела себя как в игре «доктор и пациент», а потом... понятно, как потом. Умная и умелая стерва. Всё посмеивалась над их с Надин отношениями, приговаривая:

– Если она бабобабее баобаба,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.